

The background of the entire page is a complex, multi-colored fractal pattern. It features swirling, organic shapes in shades of light blue, purple, green, and yellow, resembling a stylized map or a topographical chart. The patterns are intricate and self-similar, with many small, irregular shapes and lines. The overall effect is a textured, almost painterly background that frames the text.

Синергетическая парадигма

2009

Российская Академия Наук
Институт философии

Синергетическая парадигма

**Социальная
синергетика**

Прогресс-Традиция
Москва

УДК 08

ББК 87

С 38

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-03-16144*

Редакционная коллегия:

В.И. Аршинов, О.Н. Астафьева, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович,
Е.Н. Князева, Г.Г. Малинецкий, Б.В. Орешин, Г.Ю. Ризниченко,
В.С. Степин

Редакторы-составители О.Н. Астафьева, В.Г. Буданов

Ответственный редактор В.В. Василькова

С 38 **Синергетическая** парадигма. Социальная синергетика. — М.:
Прогресс-Традиция, 2009. — 688 с.: ил.

ISBN 978-5-89826-314-4

Данное издание — шестой том серии книг под общим названием «Синергетическая парадигма», выпускаемых в рамках уникального научного и издательского междисциплинарного проекта, направленного на научно-просветительскую деятельность по созданию единого интеллектуального поля единомышленников-специалистов разных дисциплинарных направлений, интересующихся проблемами развития современной методологии, формирования постнеклассического знания, закономерностями самоорганизации в системах различной природы, становления эволюционно-синергетического мировоззрения.

Очередной том серии посвящен социальной синергетике. Круг проблем достаточно обширен: это проблемы применения синергетических методов к анализу социальной реальности, трансформации социогуманитарного знания под влиянием синергетического мировидения, развития междисциплинарного дискурса в социосинергетике, понимания перспектив прикладной синергетики, в первую очередь в плане моделирования социальных процессов, осмысления информационных и коммуникативных стратегий социальной синергетики.

Книга адресована широкому кругу специалистов — ученым, преподавателям высшей школы, студентам и аспирантам, интересующимся проблемами развития синергетического знания.

УДК 08

ББК 87

© Коллектив авторов, 2009

© А.Б. Орешина, оформление, 2009

© Прогресс-Традиция, 2009

ISBN 978-5-89826-314-4

Содержание

Предисловие от редакторского коллектива	11
--	-----------

Раздел I. Социальная синергетика: теория и методология

Делокаров К.Х. Эволюция базовых смыслов современной цивилизации в контексте постнеклассической науки	16
Режабек Е.Я. Синергетические представления и социальная реальность	37
Черникова И.В., Черникова Д.В. Возможности социосинергетики в теоретических исследованиях социальности	63
Баранцев Р.Г. Активность саморазвития	79
Пойзнер Б.Н. Незаметное присутствие: репликация в социокультурных процессах и в их схемах	85
Моисеев В.И. Синергетические образы социального логоса	95
Липатов А.Т. Метаязык синергетики и <i>Lingua Universalis</i>	104
Урсул А.Д., Урсул Т.А. Информационно-синергетическая интерпретация антропного принципа	121
Астафьева О.Н. Целостность культуры как «единство множественности»	133
Дахин А.В. Синергетическая парадигма: коррекция по проблеме исторического памятования	157

Раздел II. Прикладная синергетика: моделирование как социально значимый результат

Малинецкий Г.Г. Моделирование в социосинергетике. Нерешенные проблемы	184
Малков С.Ю. Применение синергетики для моделирования социальных процессов	202
Буданов В.Г. Ритмокаскады истории и прогноз развития социально-психологических архетипов России до 2050 года	234
Чернавский Д.С. Роль денег в обществе	264
Добронравова И.С., Финкель Л.С. Синергетические исследования социальной самоорганизации в Украине	286
Войцехович В.Э. Кризис в развитии общества как фрактал	307
Ершова-Бабенко И.В. Психомерные среды в контексте психосинергетики и их роль в постнеклассическом понимании социума — нелинейное целое в нелинейном целом	314

Тарасенко В.В. Методология моделирования синергетических субъект-субъектных взаимодействий: подход, основанный на совмещении компьютерного моделирования с деловой игрой	327
Казновская Л.Н. Поиск минимального необходимого воздействия для предотвращения кризиса	341

Раздел III. Синергетический анализ социальных проблем

Хакен Г. Самоорганизующееся общество. <i>Пер. с нем. Н. Князевой</i>	350
Князева Е.Н. Принципы инновационного социального управления	370
Музыка О.А. Проблема возможных сценариев будущего развития общества в контексте социосинергетики	387
Бевзенко Л.Д. Социология революций и эвристические возможности понятия социальной бифуркации	395
Аванесова Г.А. Изменение аналитических представлений о высших энергоформах как факторах культурного развития	417
Романов В.Л. Концептуальные основания социальной инноватики государственного управления (социосинергетический поиск)	442
Москалев И.Е. Знание как феномен социальной самоорганизации	456
Шалаев В.П. Глобализация, постмодерн, бифуркационный человек: современные контексты историософской судьбы человека и общества	468
Полищук Р.Ф. Мирное сосуществование как национальная идея России	483
Лутай В.С. Социальная синергетика, ее роль в преодолении глобальных противоречий современности	494
Бурнашев К.Э. Феномен личности в аспекте социальной синергетики	503
Николаева Е.М. Нелинейная (синергетическая) модель образовательного процесса	510
Шалаева С.Л. Трансформация детства в глобализирующемся мире: синергетический аспект	517

Раздел IV. Информационные и коммуникативные стратегии социальной синергетики

Аршинов В.И., Свирский Я.И. Синергетика как интерсубъективная коммуникация	530
Василькова В.В. Социология коммуникации и постнеклассическое знание: структурные сопряжения	544
Бекарев А.М. Символические аттракторы информационного общества	561

Бранский В.П. Синергетическая теория идеологии и религиозное мышление (введение в синергетическую философию религии) ..	571
Киященко Л.П. Синергетика языков культуры	605
Василенко Л.А. Социология неравновесных процессов становления информационного общества: методологические подходы	612
Ярославцева Е.И. Человек как интерактивная социально-природная реальность (Природа прирастает человеком)	640
Каширин В.И., Каширина О.В. Синергетика в контексте учения русской философии о времени: концепция культуры времени ...	656
Сведения об авторах	664

Content

The book is a regular volume six in the series generally titled «Synergetic Paradigm». This is a unique interdisciplinary publishing project for scientific and educational purposes aimed at creating a collective intellectual field. It involves professionals in various disciplines, interested in the problems of modern methodology development and post-non-classical system of knowledge generating, as well as in finding self-organization patterns in the systems of different nature and forming evolutionary-synergetic world understanding.

The volume deals with social synergetics and covers a quite broad range of issues. These are the problems of: applying synergetic methods for social reality analysis, affected by synergetic world view social and humane knowledge transformation, developing interdisciplinary discourse in sociosynergetics, considering the perspectives of synergetic applications to social processes modeling, understanding the informational and communicative strategies of social synergetics.

The publication may be of interest for a wide range of professionals: scientists, professors, undergraduates and PhD students, interested in the synergetic knowledge development issues.

Editors' Foreword	11
Part I. Social Synergetics: Theory and Methodology	
Delokarov K.Kh. Evolution of the Basic Modern Civilization Meanings in the Context of Post-Non-Classical Science	16
Rezhabek E.Y. Synergetic Ideas and Social Reality	37
Chernikova I.V., Chernikova D.V. Sociosynergetics' Potential in the Theoretical Research of Sociality	63
Barantsev R.G. Self-Development Activity	79
Poizner B.N. Imperceptible Presence: Replication in Sociocultural Processes and Their Schemes	85
Moiseev V.I. Synergetic Images of Social Logos	95
Lipatov A.T. Metalanguage of Synergetics and Lingua Universalis	104
Ursul A.D., Ursul T.A. Informational-Synergetic Interpretation of the Anthrop Principle	121
Astafyeva O.N. Integrity of Culture as «United Plurality»	133
Dakhin A.V. Synergetic Paradigm: Correcting the Problem of Historical Remembering	157
Part II. Applied Synergetics: Modeling as Socially Significant Result	
Malinetsky G.M. Modeling in Sociosynergetics. Unsolved Problems	184

Malkov S.Yu. Applying Synergetics to Social Processes Modeling	202
Budanov V.G. Rhythmocascades of History and Predicting Socio-Psychological Archetypes of Russia up to a Year	234
Chernavsky D.S. Role of Money in Society	264
Dobronravova I.S., Finkel L.S. Synergetic Research of Social Self-Organization in Ukraine	286
Voitsekhovich V.E. Crisis in Social Development as a Fractal	307
Ershova-Babenko I.V. Psychometric Environments in the Context of Psychosynergetics and Their Role in Post-Non-Classical Understanding of Society—Non-Linear Integrity in Non-Linear Integrity	314
Tarasenko V.V. Modeling Synergetic Subject-Object Interactions Methodology: an Approach, Based on Computer Modeling and Business Game Combination	327
Kaznovskaya L.N. Searching for Minimum Crisis Preventing Influence	341

Part III. Synergetic Analysis of Social Problems

Haken H. Self-Organizing Society. <i>Translated from German by H. Knyazeva</i> .	350
Knyazeva H.N. The Principles of Innovational Social Management	370
Musyka O.A. The Problem of Possible Society Development Scenarios in the Context of Sociosynergetics	387
Bevzenko L.D. Sociology of Revolutions and Heuristic Potential of Social Bifurcation Concept	395
Avanesova G.A. The Change of Higher Energy Forms Analytical Conceptions as Social Development Factors	417
Romanov V.L. Conceptual Basis of Social Innovation Science in Governance (Sociosynergetic Search)	442
Moskalev I.E. Knowledge as a Social Self-Organization Phenomenon	456
Shalaev V.P. Globalization, Postmodern, Bifurcational Man: Modern Context of Human and Society Historiosophic Destiny	468
Polischuk R.F. Peaceful Coexistence as a National Idea of Russia	483
Lutai V.S. Social Synergetics and its Role in Overcoming the Global Contradictions of Modernity	494
Burnashev K.E. Personality Phenomenon in the Aspect of Social Synergetics	503
Nikolaeva E.M. Non-Linear (Synergetic) Model of Educational Process	510
Shalaeva S.L. Transformation of Childhood in the Globalizing World: Synergetic Aspect	517

Part IV. Informational and Communicative Strategies of Social Synergetics

Arshinov V.I., Svirsky Ya.I. Synergetics as Intersubjective Communication .	530
--	-----

Vasilkova V.V. Sociology of Communication and Post-Non-Classical Knowledge: Structural Conjunction	544
Bekarev A.M. Symbolic Attractors of Information Society	561
Bransky V.P. Synergetic Theory of Ideology and Religious Thinking (Introducing the Synergetic Philosophy of Religion)	571
Kiyashchenko L.P. Synergetics of Culture Languages	605
Vasilenko L.A. Non-Equilibrium Processes of Information Society Sociology Forming: Methodological Approaches	612
Yaroslavtseva E.I. Human as an Interactive Socio-Natural Reality (Nature Grows with Man)	640
Kashirin V.I., Kashirina O.V. Synergetics in the Context of Russian Philosophy of Time: Time Culture Concept	656
Authors	677

Предисловие

от редакторского коллектива

Предлагаемое вниманию читателей издание является продолжением уникального научного и издательского междисциплинарного проекта — серии книг под общим названием «Синергетическая парадигма», который начал осуществляться в 2000 г. и был направлен на научно-просветительскую деятельность по созданию единого интеллектуального поля единомышленников — специалистов разных дисциплинарных направлений, интересующихся проблемами развития современной методологии, формирования постнеклассического знания, закономерностями самоорганизации в системах различной природы, становления эволюционно-синергетического мировоззрения.

Парадигмальный масштаб синергетического мировидения позволяет объединить в общем диалоге представителей самых разных наук (философов, математиков, физиков, биологов, социологов, историков, культурологов и т. д.), специалистов в области методологии науки и практиков в сфере компьютерного моделирования, представителей академической науки и преподавателей высшей школы. Разнообразие исследовательских позиций, ракурсов анализа, предметного материала позволяет рассмотреть различные грани синергетического знания и освоить различные способы применения синергетической методологии в различных областях знания. Так, в рамках данного проекта вышли в свет следующие тома серии «Синергетическая парадигма»: «Многообразие поисков и подходов» (2000 г.), «Нелинейное мышление в науке и искусстве» (2002 г.), «Человек и общество в условиях нестабильности» (2003 г.), «Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания» (2004 г.), «Синергетика в образовании» (2007 г.).

Очередной том серии посвящен социальной синергетике. Выбор этой тематики обусловлен несколькими причинами. Во-первых, применение синергетических методов анализа к социальной реальности вызывает наибольшее количество сомнений и споров, поскольку касается принципиального вопроса о возможностях междисциплинарной универсальности синергетической теории и методологии. Во-вторых, существует целый спектр версий по поводу того, как осуществлять такую экспансию синергетического метода в область социального, и это обстоятельство вызывает необходимость некоего «смотра

сил» и сравнения предлагаемых вариантов. В-третьих, синергетическое социальное видение чрезвычайно актуализируется в условиях стремительных трансформаций. В определенной степени многообразие понимания возможностей и пределов социальной синергетики отражено в разделах книги.

В разделе «Социальная синергетика: теория и методология» представлены статьи, посвященные анализу теоретических и методологических сопряжений синергетики и социогуманитарного знания, интерпретации ключевых понятий и закономерностей этого знания в контексте синергетического мировидения. В частности, К.Х. Делокаров осуществляет анализ эволюции базовых смыслов современной цивилизации в контексте постнеклассической науки, Е.Я. Режабек исследует проблемы исторического детерминизма, социального развития, преодоления социальных кризисов, И.В. Черникова и Д.В. Черникова рассматривают возможности социосинергетики в теоретических исследованиях социальности, О.Н. Астафьева анализирует перспективы становления полицелостности культуры в контексте социосинергетики. Б.Н. Пойзнер обосновывает высокий познавательный потенциал синергетики, сопрягающий предметное знание, философскую рефлексию и математическое моделирование. А.Т. Липатов в своей работе ставит вопрос о природе синергетического языка как универсального метаязыка, что связано с эффективностью его полидисциплинарного применения. А.В. Дахин рассматривает ключевые синергетические концепты в контексте теорий исторического памятования, что позволяет автору выявить онтологические пределы «динамического хаоса» и «динамического порядка» применительно к социальной реальности. В.И. Моисеев в статье «Синергетические образы социального логоса» анализирует ситуацию осуществления «ментальных синтезов» в социологической мысли, ведущую к формированию новой постнеклассической рациональности в социальном знании. Информационно-синергетической интерпретации антропного принципа как важнейшего принципа универсального эволюционализма посвящают свою статью А.Д. Урсул и Т.А. Урсул. Р.Г. Баранцев рассматривает активность саморазвития как универсальное свойство всего сущего, в том числе и человеческого сообщества.

Авторы второго раздела, «Прикладная синергетика: моделирование как социально значимый результат», демонстрируют возможности социальной синергетики не только как специфической области знания, но и как технологии получения социально значимых практических результатов преобразования общества. В этом разделе представлены статьи, посвященные анализу нерешенных проблем моделирования в социосинергетике (Г.Г. Малинецкий), возможностей использования синергетики для моделирования социальных процессов (С.Ю. Малков) и экономических систем (Д.С. Чернавский). Предметом исследовательского внимания становятся кризисные явления в обществе, интерпретируемые с позиций синергетической методологии (В.Э. Войцехович, И.С. Добронравова и Л.С. Финкель), а также перспективы построения прогнозов развития общества с использованием синергетических методов (В.Г. Буданов). Анализ опыта моделирования коллективного социального

поведения с помощью синергетических подходов посвящена статья В.В. Тарасенко, развитию психосинергетики — статья И.В. Ершовой-Бабенко. Реализация экспертной системы для оценки вероятности кризисных ситуаций и помощи в принятии управленческих решений описана в статье Л.Н. Казновской.

В третьем разделе, «Синергетический анализ социальных проблем», рассматривается целый ряд аспектов социальной реальности, проблематизированный современной ситуацией и требующий нового взгляда на их описание и осмысление, тон обсуждения которым задает фундаментальная статья Г. Хакена «Самоорганизующееся общество». Инновационная природа современного общества и принципы эффективного управления инновационными процессами стали предметом рассмотрения в статьях В.Л. Романова и Е.Н. Князевой. Целый ряд статей посвящен осмыслению глобальных проблем общественного развития в контексте синергетической методологии. В частности, О.А. Музыка анализирует с этих позиций возможные сценарии будущего развития общества; Л.Д. Бевзенко, используя эвристические возможности понятия социальной бифуркации, исследует природу социальной революции; И.Е. Москалев рассматривает феномен автопоэзиса, позволяющего не только исследовать природу социальной самоорганизации, но и по-новому взглянуть на процесс социального реформирования.

В рамках данного раздела выделяется блок статей, связанных с антропологическими проблемами современного общества, возможностями синергетической трактовки феномена человека. Так, А.Г. Аванесова в своей статье ставит вопрос о перспективах развития синергичной антропологии, в статьях В.П. Шалаева и К.Э. Бурнашева рассматривается процесс формирования нового типа личности в условиях нестабильности, неустойчивости, смещения культур в современном обществе, Р.Ф. Полищук, исходя из синергетического подхода к пониманию природы человека, предлагает новую концепцию человеческого общежития. Проблема переосмысления современных образовательных систем в контексте социосинергетики и их реформирования представлена в статье Е.М. Николаевой; проблема трансформации детства в современном глобализирующемся мире — в статье С.Л. Шалаевой.

Четвертый раздел, «Информационные и коммуникативные стратегии социальной синергетики», объединяет статьи, рассматривающие синергетическое знание как практику когнитивной коммуникации между различными понятийными пластами и методами различных наук и исследовательских подходов, а также статьи, описывающие эвристические перспективы синергетической методологии для описания информационно-коммуникативных феноменов современного общества. К первой тематической зоне можно отнести статью В.И. Аршинова и Я.И. Свирского, в которой синергетика рассматривается как intersubjective коммуникация, статью В.В. Васильковой, посвященную анализу процесса трансформации дисциплинарного знания под влиянием постнеклассического синергетического подхода, статью В.И. Каширина и О.В. Кашириной о формировании концепции культуры времени на пересечении синергетического подхода и традиции русской философской мысли. К второй тематической зоне можно отнести статью А.М. Бекарева,

анализирующего процесс символического обмена в контексте синергетического подхода и выявляющего основные символические аттракторы современного общества (деньги, власть, бренд), статью В.П. Бранского, в которой роль идеалов рассматривается как фактор самоорганизации в развитии идеологии и религии, статью Л.П. Киященко, посвященную синергетическому анализу лингвистического многообразия в современном обществе, статью Л.А. Василенко, выявляющую методологические основания синергетического анализа формирования современной социоинформационной среды, а также статью Е.И. Ярославцевой, интерпретирующую феномен человека информационного общества в аспекте интеракции общества и природы.

Особенностью этого выпуска является тот факт, что среди авторов статей — представители различных синергетических школ России (Москва, Санкт-Петербург, Йошкар-Ола, Томск, Казань, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Таганрог, Тверь и др.) и Украины (Киев, Одесса), в течение многих лет разрабатывающих междисциплинарные проблемы и формирующих когнитивно-коммуникативное пространство синергетической парадигмы. Рамки издания не позволили принять участие в его подготовке исследователям из Ижевска, Новосибирска, Саратова, Белгорода, Воронежа и других городов России, где идеи синергетики также находятся в центре внимания научных коллективов. Думается, что в следующих выпусках этой серии нам представится возможность познакомиться с их научными статьями.

В заключение хочется отметить, что, продолжая начатую в предыдущих изданиях работу (мы имеем в виду выпуски книг не только данной серии, но и таких сборников научных статей, как «Синергетика и образование» (М., 1997), «Синергетика и социальное управление» (М., 1998), «Синергетика. Человек. Общество» (М., 2000), «Нелинейная динамика и постнеклассическая наука» (М., 2005) и др., редакторский коллектив фактически впервые осуществил тематическое объединение исследователей разной дисциплинарной направленности в области социальной синергетики.

При этом хочется подчеркнуть, что предлагаемые вниманию читателей материалы отличаются не только разнообразием тематических акцентов, но и разнообразием стилей, уровнем охвата проблем. Позиции некоторых авторов являются спорными и дискуссионными. Однако при подборе текстов редакторский коллектив старался бережно относиться и сохранять индивидуальность мнений, оригинальность суждений, поскольку мы понимаем, что новые идеи представляют собой те плодотворные флуктуации, которые обеспечивают необходимое разнообразие и самоорганизующееся развитие формируемого пространства синергетического знания.

Безусловно, наш сборник не смог охватить всю палитру исследовательских подходов и версий социальной синергетики, сложившихся и складывающихся в рамках различных социальных и гуманитарных наук. Однако это обстоятельство можно рассматривать не как упущенную возможность, а как повод продолжить интеллектуальный диалог по поводу новой, чрезвычайно интересной и многообещающей области знания — социальной синергетики.

**Социальная
синергетика:
теория
и методология**

К.Х. Делокаров

Эволюция базовых смыслов современной цивилизации в контексте постнеклассической науки

Начало XXI века совпало не только с радикальными геополитическими и геостратегическими трансформациями, но и со сменой ценностно-мировоззренческими парадигмальных установок. Концептуальным ядром новой формирующейся постнеклассической парадигмы выступает комплекс научных достижений, включающих в себя теорию диссипативных структур И. Пригожина и всей брюссельской школы, синергетику Г. Хакена и теорию катастроф Р. Тома. Новая парадигма подготовлена всей предшествующей научной и философско-методологической мыслью и не сводится только к этим научным идеям, хотя они играют решающую роль в новой формирующейся картине мира. Она уходит своими основаниями в самые разные области знания.

В отличие от классической и неклассической науки, постнеклассический подход к миру концептуально восходит не только к греческой философско-методологической традиции, но и к восточной мысли [1]. Вместе с тем, ошибочно полагать, что постнеклассическая наука просто продолжает указанные интеллектуальные традиции. Многочисленные социокультурные трансформации оказали существенное влияние на интерпретацию духовного наследия Античности. Так, можно показать, что новоевропейская наука значительно упростила богатое многочисленными оттенками античное греческое идейное наследие, выбрав из нее те идеи, которые могли стать операциональными. С этим связано во многом критическое или скептическое отношение ведущих философов-методологов Нового времени Ф. Бэкона и Р. Декарта к античной философии. Что же касается восточной традиции, то она во

многим сохранила свои особенности, поскольку не была вовлечена в полной мере в исторический поток и была недоступна Западу. Только значительно позже Восток снова стал реальным фактором западной и мировой истории.

Вместе с тем, методологически ошибочно абсолютное противопоставление восточной и греческой мысли, поскольку в определенном плане у них одна судьба, — в том плане, что позднейшая интеллектуальная традиция избирательно относилась к работам древних мыслителей, адаптируя их концептуальные прозрения к потребностям Нового и Новейшего времени.

В начале нового, третьего тысячелетия, когда индустриальная и постиндустриальная цивилизация, которая определяет базисные установки мирового развития, столкнулась с трудноразрешимыми глобальными проблемами, актуализировался вопрос о причинах системного кризиса современности. Это логично приводит к необходимости анализа сути этой цивилизации, ее базовых ценностей. В XXI веке человечество, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, ищет новые ценностно-мировоззренческие цели, критически анализируя истоки современных проблем, те идеализации и упрощения, которые привели к глобальному кризису.

В этой связи представляет интерес трактовка исходных категориальных структур синергетики — порядок, хаос, закон, равновесие и т. д. — в восточной и греческой философской мысли. Примечательно, что если восточный человек не противопоставляет себя единому мировому процессу, то древние греки боялись Хаоса, который трактовался как зияющая, бесформенная бездна, пустота, в которой все исчезает. Не случайно, что Хаос происходит от греческого *chaos* — разверзнуть. В подобном же направлении шли и рассуждения о Хаосе римлян, которые отождествляли Хаос с Аидом как всепоглощающей бездной. Отсюда желание уйти от Хаоса в космос. Космос был антитезой Хаоса, он был упорядочен и структурирован. Такая трактовка отражается на понимании законов функционирования сущего, отношении к настоящему и прошлому. Так, если человек выступает как активный преобразователь всего сущего, в том числе и природы, то прошлое уже не столь концептуально ценно, как в восточной традиции, где человек предстает как часть целого и его активность ограничена этим целым.

Характерна для последующей европейской мысли такая, например, метафора Гераклита, как «Борьба — отец всему и царь. Одним она определила быть богами, а другим — людьми, одних сделала рабами, других свободными». Гераклит, провозгласив тезис «Война — отец всех вещей, отец всего», трактовал «войну» онтологически шире, чем последующая мысль. Впрочем, глубина, проницательность и влияние

подобных метафор стали явными лишь со временем. Отсюда представление о несовершенстве мира, которое исправляется человеком. Установка на активность, борьбу приводит к тому, что великими почитаются в первую очередь полководцы, государственные деятели или, позднее, ученые, дающие знания для преобразования мира. В этой связи ставшие широко известными слова К. Маркса о том, что философы лишь различным образом объясняли мир, а задача заключается в том, чтобы преобразовать этот мир, вполне вписываются в эту глубинную европейскую интеллектуально-мировоззренческую традицию. Революции как радикальные преобразования начинают свое шествие по миру именно в Европе.

Разумеется, античная греческая мысль не сводится к этой традиции при всей ее важности. В этой традиции были заложены и другие идеи, в том числе и такие, которые идейно перекликаются с восточными представлениями о сущем. Таковы, в частности, идеи Аристотеля о различных формах причинности, концепция Эмпедокла и др. Но развитие познания и социальной практики привело к тому, что были актуализированы преимущественно жестко детерминированные идеи о мире. Те же концепции, которые противоречили механическим представлениям о мире, не были востребованы культурой. В целом социокультурные трансформации проводят своеобразную селекцию функционирующих идей, отбирая те из них, которые «работают» на конкретные модели социального и индивидуального бытия.

Синергетические идеи актуализируются в системах, которые находятся вдали от равновесия. Накапливающиеся флуктуации приближают кризис. Выбор, сделанный системой в результате бифуркации, надолго определяет будущее системы. Вот почему представляется справедливым утверждение, что в истории встречаются периоды, которые предопределяют будущее общества на длительные этапы развития. Это противоречивые, неустойчивые периоды поиска человеком своего места в мире, переосмысления сложившихся норм, переоценки смысловых структур. Одним из таких периодов мировой истории вообще и европейской истории в особенности является эпоха Возрождения как необходимое звено в формировании Нового времени и эпохи Просвещения. В этот период культура претерпела значительные трансформации, возродился интерес к Античности в новом, естественно, измерении, произошло формирование нового искусства, новой науки и в конечном итоге нового человека. Секуляризация, и в определенном смысле, эстетизация религии была первым шагом утверждения новых антропологически нагруженных ценностей. Именно в эпоху Возрождения общество начинает открываться новым веяниям, впервые после тысячелетнего господства религиозного видения всего происходящего начинается переосмысление ис-

ходных понятий. Открытость создала новые возможности развития личности.

Эпоха Возрождения как эпоха выбора человеком своего будущего — сложный и динамичный процесс. В подобной ситуации все системообразующие категориальные структуры приходят в движение, прежние истины и стереотипы подвергаются сомнению. Начинается пересмотр понятия «человек», переоткрывается «природа». Ситуация интересна тем, что нет общеобязательных истин, так как новые истины только начинают заявлять о себе и не успели еще утвердиться. Культура проходит через этап нестабильности, неустойчивости. Мир становится открытым. Происходит усложнение мира культуры и человека. Человек становится «мастером своего собственного образа» (Д. Пико Делла Мирандола). Парадоксальность ситуации в том, что находясь в движении исходные принципы формирования этого образа. Реальность в подобной ситуации — не столько ставшее, состояние, событие, сколько становящееся, процесс, движение. Человек находится между двумя мирами, он знает законы старого мира, но они его не удовлетворяют, и он стремится к новому, неведомому миру, основные контуры которого он не представляет.

В поисках нового мира эпоха Ренессанса формирует новые смыслы гуманизма, научного знания, религии, но орудием поиска этих смыслов становится искусство. Согласно Н. Кузанскому, «все существующее — произведение абсолютной красоты».

В целом на этапе Возрождения сосуществовали и взаимодействовали различные типы мировосприятия. Культура не стала еще цивилизацией, если воспользоваться терминологией О. Шпенглера. Возрождение еще не торопится жить, не считает, что отстает от темпов прогресса. Эпоха Возрождения нетороплива, еще внутренне целостна и размеренна. Как отметил В. Зомбарт, в эпоху Возрождения с трудом можно «представить себе торопливого человека в длинном меховом плаще Ренессанса или в панталонах до колен и парике последующих столетий. И достойные доверия современники так и изображают нам делового человека как мерно шагающего, который никогда не торопится именно *потому*, что он что-нибудь делает. Мессер Альберти, сам очень занятой человек, обычно говаривал, что он никогда еще не видел прилежного человека идущим иначе как медленно» [2, с. 122–123].

Вместе с тем культура жила напряженной жизнью, в ней происходили сложные процессы. Открыв для себя прошлое в более полном объеме, Возрождение стало видеть лучше настоящее. Формировалась новая светская культура. Вновь переоткрытая Природа становится объектом специального изучения. Зарождается наука. Именно в этот период входят в культуру концепты «гуманизм» и «прогресс», форми-

руются начала современного образования, определившие сознание и самосознание европейской культуры.

В целом дискуссии в европейской культуре в эпоху Возрождения привели к новому, рационалистическому этапу развития цивилизации, нашедшему наиболее полное воплощение в классической механике И. Ньютона. С этого периода начинается линейная трактовка не только природы, но и истории. Человечество начинает мыслить в рамках прогресса. Прогресс становится целью исторического процесса. Не Бог, а человек начинает выступать судьей истории. Линейная трактовка происходящего послужила основанием концепции прогресса, которая становится доминирующей идеей. С этим связано преклонение перед наукой и научной формой рациональности, поскольку именно научная рациональность в линейном мышлении выступает не только последней, но и высшей формой рациональности. Технократизм и экономизм предстают при этом реальным воплощением науки и потому наиболее прогрессивной формой социального развития.

Появление классической механики, влиятельных философско-методологических концепций эмпиризма (Ф. Бэкон) и рационализма (Р. Декарт), становление просвещенческой рационалистической парадигмы привели к созданию устойчивой парадигмальной установки, основанной на определенном линейном понимании познания, прогресса и человека. Завершился поиск новых культурных образцов. «Человек ищущий» — носитель возрожденческой стихии — уступает место «человеку разумному», который стал творить мир не по образу Божьему, а по своему образу, по тому образу, который он считал наиболее приемлемым. При этом исходной стала научно-рационалистическая система координат. С этого времени происходит стабилизация категориального и ценностного горизонта культуры. «Человек разумный» вытесняет на периферию культурного пространства «человека верующего». Заканчивается период кризиса и поисков. Кризис породил активных деятельных людей, девизом которых стало преобразование всех сфер бытия. Начинается деятельность нового человека и нового общества, основанного на разумных началах и строящего мир таким, каким он хочет.

В рамках выбранной парадигмальной установки человек мыслит по-другому, нежели в период поиска этой установки. Более того, можно сказать, что, выбрав направление развития, надежно работающие образцы решения встающих задач, культура в определенном смысле перестает мыслить стратегически и начинает мыслить тактически и больше действует, нежели мыслит. Мышление становится функционально ориентированным и предметным. Оно касается не сути, не оснований, а частных деталей. Или если точнее, то мышление касается сути, основания в той мере, в какой это позволяет выбранная система ценностей. На этом этапе сознание, мышление не всегда спрашивает,

почему оно такое, а не иное, оно занято расширением сферы действия своих идей.

Результаты такого устойчивого развития западной индустриальной цивилизации известны. Эта цивилизация достигла значительных успехов в науке и технологии, она стала лидером цивилизационного развития. Вместе с тем, в начале XXI века вдали от того равновесия, которое сложилось в эпоху Просвещения, мы знаем, что индустриальная цивилизация оказалась в ситуации кризиса, связанного со столкновением человека и природы. Закончились эвристические возможности базовых идей просвещения. Это вынуждает снова размышлять о путях дальнейшего развития цивилизации, искать новую систему целей и ценностей.

Подобные периоды истории, когда вырабатываются новые смыслы и происходит радикальная переоценка всех ценностей, редки и являются переломными в цивилизационном развитии. В такие периоды возрастает роль стратегического мышления, появляется потребность в новых, нетрадиционных подходах. Это приводит к актуализации общеприродных, ценностно-мировоззренческих представлений о мире и положении человека в нем. Переломные этапы в мировой истории потому и называются таким образом, что цивилизация в реальности сталкивается с необходимостью переосмысления не частных положений, а базовых, исходных принципов. Тем самым меняется онтология сущего, методология решения встающих задач, категориальный аппарат познания. Изменения предполагают выработку новых представлений о сущем, таких представлений, которые могут помочь человеку лучше адаптироваться к изменяющейся реальности. Тем самым в кризисно-переломные этапы истории Человек встает перед вопросами, которые он должен решить, если хочет выжить. И чем более объемными и сложными являются эти вопросы, тем более радикальными должны быть новые идеи. В конечном итоге человек начинает знать себя и мир полнее и глубже. Поэтому кризис выступает как испытание человека, всей функционирующей культурной традиции, поскольку кризис, в зависимости от реакций человека на него, может вести как к летальному исходу, так и к появлению новых, более совершенных форм бытия. Кризис — бифуркационная точка, которая ставит человека перед выбором, своеобразный момент истины, включающий в себя различные возможности, и в зависимости от характера ситуаций вопрос может стать в форме: «быть» или «не быть».

Вместе с тем, следующие зачастую за кризисами, революционные потрясения и их осмысление трудны не только своей масштабностью, но и открывающимися возможностями упрощения разноразличных социальных, гуманитарных, экзистенциальных процессов. Революция как форма разрешения кризиса зачастую выступает против настоящего

как такового, не считаясь с тем, что общество — сложная, многоуровневая система и в нем многие процессы происходят по-разному. Революция, пытаясь радикально изменить настоящее, объявляет его не только устаревшим и исчерпавшим себя, но и реакционным, мешающим настоящему. При этом масштабная социальная революция не хочет и, видимо, не может понять многообразие настоящего, его многослойность и открытость, наличие в нем эффективно «работающих» элементов.

Применение этих идей к радикальным социальным, технологическим, информационным трансформациям в XX веке показывает, что в результате реализации основных идей Нового времени общество пришло к неожиданному результату, поскольку осознало опасность абсолютного доверия к науке и технологии. Оказалось, что прогресс коснулся прежде всего уровня научного знания, технологии, форм организационных структур, информированности, но меньше внутреннего мира человека, личности. Как отмечает А.Д. Арманд: «Снижение уровня нравственности, деградация духовной культуры имеют следствием потерю людьми способности к нормальному взаимодействию, к сотрудничеству. Кино, театр, эстрада, литература, живопись, музыка все слабее выполняют смягчающую, сдерживающую, объединяющую и облагораживающую функцию между членами общества. Наоборот, задачей служителей искусства как будто становится пробуждение низких животных инстинктов: агрессии, увлечения порнографией, эгоистической вседозволенности» [3, с. 168]. Поэтому можно сказать, что прогресс стал более явлением цивилизации, чем явлением культуры. Знание, противопоставленное ценностям, стало информацией и движущей силой цивилизации. Отсюда информированный, но бездуховный человек, не осознающий свою бездуховность, свободный от нравственных императивов. В контексте этого небесспорны утверждения о том, что «информация не только является категорией, определяемой жесткими техническими характеристиками, но и обладает интеллектуально-духовным потенциалом, воздействующим на человека, на его внутренний духовный мир и сферы его деятельности» [4, с. 76]. Подчеркиваемый в приведенном утверждении тезис о духовном потенциале информации вызывает сомнение на фоне реальных процессов, которые происходят в мире, особенно в тех странах, которые стали на путь перехода от индустриальной цивилизации к постиндустриальной, информационной цивилизации. Это подтверждается в той же статье самим А.И. Арнольдовым, когда он дальше отмечает, что «Культурный прогресс — это прежде всего прогресс человека и для человека, обогащающий все стороны его духовной жизни. Цивилизация творит человечество, культура творит личность. В центре мирового социального движения должен стать человек, с его сопричастностью окружающему

миру, его духовными устремлениями и нравственными требованиями, с его повседневными бедами и печалями и постоянно не сбывающейся мечтой о счастье. *Но увы, сегодня этого не происходит*» [4, с. 77]. «В наши дни, — вынужден констатировать А.И. Арнольдов, — человек все более отстает от стремительной поступи созданного им же прогресса. Создается угрожающая ситуация обесчеловечивания не только прогресса, но и самого человека. Отсюда *лейтмотив современной информационной системы — социальное спасение человека* (выделено нами. — К.Д.)» [4, с. 77].

Между тем прогресс нельзя сводить к развитию технологии или к развитию производительных сил общества, поскольку человек не сводится к его экономической деятельности. Только тот прогресс отвечает императивам современности, который не формирует частичную личность и нравственно ориентирован. Поэтому прав С.Н. Булгаков, когда доказывает что «прогресс является... нравственной задачей... не бытием, а абсолютным долженствованием» [5, с. 79–80]. Отсюда необходимость трактовки прогресса как нравственного совершенствования общества и индивида, если мы хотим и дальше использовать его как ориентир. В подобной концепции человек как идеальное «Я» предстает как «объективная, т.е. общеобязательная цель исторического процесса, но только царство человечества должно реализовываться не в умопостигаемом мире... а в действительном мире явлений» [6, с. 135].

Современная культура обязана, если она хочет справиться с многочисленными угрозами, созданными в первую очередь деятельностью человека, считаться с такими методологическими результатами научного познания и социальной практики, как усиливающаяся взаимозависимость человека и природы, ограниченность противопоставления субъекта и объекта в научном познании, целостность науки, единство знания и ценностных установок. Исходя из этого, культура должна стимулировать целостный подход к реальности.

Науку в конце XX века часто называют постнеклассической или постсовременной, подчеркивая тем самым ее отход от таких классических требований, как стремление к детерминистическому описанию реальности, редукционизм, наглядность, противопоставление субъекта и объекта и т.д. Начало пересмотра этих и ряда других черт классической науки восходит к неклассической науке. Именно неклассическая наука показала относительность ньютоновских представлений о мире, ввела случайность в категориальный аппарат познания, расширила представление о реальности, введя принцип дополнительности, и т.д. В рамках синергетики происходит еще больший отход от классических и неклассических моделей научности. Тем самым формируется постнеклассическая наука, изучающая сложноеволюционирующие системы, в которые человек включен как активно действующий фактор.

Именно это приводит к пониманию целостности науки, относительно-сти разделения наук на естественные, социальные и гуманитарные.

Подобное обстоятельство особенно актуально в связи с экологическим кризисом, необходимостью изучения закономерностей сложно-эволюционирующих, открытых социозкосистем. Это не только помогает понять узость традиционного деления мира на объект и субъект, человека и природу, общество и природу, но и актуализирует достижения синергетики. Осознается, что на самом деле человек только для методических целей рассматривает природу или человека как автономные системы. В реальности человек и природа взаимосвязаны с момента появления человека, и с этого времени начинают действовать новые социоприродные закономерности. И со временем, по мере возрастания технологической вооруженности общества, человек начинает играть все большую роль в различных сферах.

Формирование новой постнеклассической картины мира, смысловым ядром которой выступают идеи самоорганизации, не обесценивает эвристическую и методологическую ценность других, предшествующих картин мира, поскольку они «работают» с другими идеализациями, чем новая постнеклассическая картина мира. В целом фундаментальные онтологические и гносеологические допущения, принимаемые той или иной картиной мира за исходные основания, во многом несравнимы, несоизмеримы и в определенном смысле самодостаточны. Именно это обстоятельство дает возможность выделить новую постнеклассическую картину реальности.

Картины мира сосуществуют, взаимодействуют, создавая культурную и методологическую напряженность в тех случаях, когда приходится искать смысловое единство фундаментальных результатов ведущих отраслей научного знания и практики. Подобная ситуация актуализирует роль научной картины мира как методологического инструмента для формирования целостного видения сущего. Те или иные научные картины мира могут выступать для самих исследователей своего рода философско-методологическими ориентирами, поскольку с помощью научных картин мира преодолеваются узости дисциплинарного подхода к миру. Методологическая и эвристическая значимость различных научных картин мира — в их общности, синтетичности, интегративной интенции, расширении пространства смысла с едиными представлениями. Научные картины мира — смысловое поле встречи конкретнонаучных и философско-мировоззренческих представлений, позволяющее создать новые, более общие представления о мире на основании достижений науки. Тем самым научные картины мира синергийны, выступают своего рода связующим звеном между конкретными научными результатами и общефилософскими идеями.